

Русофобия как феномен

ИНТЕРВЬЮ

06

Русофобия как феномен

Интервью подготовила **Жученко Виктория Сергеевна** — начальник отдела профилактической работы НЦПТИ, г. Ростов-на-Дону.

Таньшина Наталья Петровна

Доктор исторических наук, профессор Президентской академии (РАНХиГС) и МПГУ, ответственный секретарь Научного совета РВИО, г. Москва.

— Русофобия как явление актуальное, но, к сожалению, не новое. Изучая исторический аспект данного феномена, можно ли как-то классифицировать силы, культивирующие русофобию? Это русофобия «сверху» или «снизу», со стороны леволиберальных или консервативных элит?

Русофобия как явление, даже как идеология, а это именно идеология, имеет глубокие исторические корни. И уходят они в те времена, когда понятий «Запад», «Европа», «либерализм», «консерватизм» не было и в помине. Ключевыми факторами для враждебного, презрительно-высокомерного отношения условного «Запада» к нашей стране стали принятие Русью христианства по восточному обряду, а потом раскол христианской церкви на Западную, католическую, и Восточную, православную, в 1054 году, а также ордынское нашествие и иго. Именно

эти события привели к тому, что Русь постепенно начинает восприниматься не просто как другой, но как чужой и враждебный мир. После того, как в эпоху «открытия» Московской Руси, или Московии, как наше государство называли в Европе, нас не удалось склонить к приятию унии с католической церковью и не удалось добиться совместных действий с Московским государством против турок, нас самих перевели в разряд азиатов, варваров, схизматиков-еретиков. А поскольку в те времена именно религиозный фактор был главным критерием в определении «свой-чужой», Запад стал воспринимать нас как свою антитезу, антимир, антицивилизацию, как врага западного, иначе говоря, «цивилизованного» мира. Именно тогда, в XV–XVI веках формируются основные мифологемы образа России, которые впоследствии, в XIX столетии, станут идеологемами русофобского образа. Именно в XIX веке,

времени формирования метаполитических идеологий: либерализма, социализма, марксизма, русофобия формируется как целостная идеология. XIX век — это период активного формирования политических партий, прессы как четвертой власти. Именно в западной прессе появляется термин «русофобия», и его ввели в оборот в 1836 году английские либералы, высмеивая страх своих же собственных политиков перед так называемой русской угрозой, причем угрозой воображаемой, основанной на «страхах фантазии», как их называет современный американский исследователь Ларри Вульф, потому что Россия не угрожала ни позициям Великобритании в Индии, ни в целом ее колониальной мощи.

К этим «колониальным страхам» добавился фактор идеологический: XIX век вошел в историю как период последовательного утверждения либеральной идеологии. По окончании Наполеоновских войн и общей победы над Наполеоном английские и французские либералы начали усматривать в российском самодержавии угрозу либеральным ценностям «передовой» Западной Европы. Особенно эта линия усилилась после того, как во Франции в 1830 году произошла очередная революция, Июльская, а в Царстве Польском (после окончания Наполеоновских войн Царству Польскому императором Александром I была предоставлена широкая автономия и конституция в рамках Российской империи), — восстание, спровоцированное именно Июльской революцией. После подавления этого восстания российской армией (а как иначе Россия могла отнестись к мятежу на своей территории?) либералы и радикалы всех мастей стали усматривать в России угрозу своим ценностям, а Польшу начали

воспринимать как барьер на пути «варваров Севера» и едва ли не оплот либерализма. Но и консерваторы в этом плане не отличались русофилией, хотя среди них были сторонники восприятия России как примера традиционного, стабильного государства. Но это все были частные случаи, не влияющие на общую «генеральную линию» независимо от партийной окраски. Во второй половине XIX века главными русофобами станут уже представители радикальных, социалистических идей. Изменение взгляда на Россию во Франции и Великобритании в конце XIX века было связано не с партийной принадлежностью, а с текущей международной конъюнктурой и формированием блоковой системы в Европе. Если Россия была нужна как союзник, как помощник, а порой и как спаситель, взгляд на нашу страну менялся (точнее, Запад менял свою риторику и поведение, не изменяя сути отношения), при том, что сама Россия могла меняться незначительно.

Что касается вопроса о том, откуда шла эта русофобская волна, сверху или снизу, то русофобия была рассчитана на массового потребителя политических идей и концепций, типичного представителя формирующегося среднего класса, горожанина, читающего газеты и следящего за политикой, но заинтересованного в политической стабильности и порядке. Русофобия была рассчитана на обывателей, постепенно становящихся избирателями, за голоса которых начинается активная политическая борьба, и ксенофобские идеи в такой борьбе становятся серьезным подспорьем. Такое антирусское общественное мнение начинает активно формироваться именно уже в XIX веке.

“

Русофобия была рассчитана на обывателей, постепенно становящихся избирателями, за голоса которых начинается активная политическая борьба, и ксенофобские идеи в такой борьбе становятся серьезным подспорьем.

”

Важно понимать, что русофобские идеи во все времена продвигали не крестьяне и ремесленники, а образованная часть общества, «властители дум» на Западе. Они рационально и сознательно запугивали обывателя «русской угрозой», преследуя сугубо свои внутри- и внешнеполитические цели. Именно представители европейских политических и интеллектуальных элит изобретали и эксплуатировали воображаемые страхи перед «русской угрозой» как средство воздействия на население с целью формирования нужного общественного мнения. Русофобия постепенно становится своеобразным политическим ритуалом, выполняющим, как и древние ритуалы, функции сплочения, консолидации общества, в том числе перед общим врагом.

В результате к середине XIX века с помощью журналистов, публицистов, писателей и политиков, нагнетавших на страницах книг, газет и с парламентских трибун воображаемые страхи перед воображаемой Россией, во Франции, Великобритании, землях Германского союза, Польше формируется стойкое антирусское общественное мнение, готовое к конфликту с цивилизацией, воспринимаемой как враждебная и очень опасная.

А дальше мы имеем дело с так называемой аутокаталитической реакцией: интеллектуалы формируют общественное мнение, а потом именно общественное мнение начинает оказывать влияние на принимаемые политические решения (политики ведь зависят от общественного мнения), то есть от русофобии сверху мы переходим к русофобии снизу. Именно так произошло накануне Крымской войны 1853–1856 годов, когда сформировавшееся к тому времени во Франции и Великобритании русофобское общественное мнение стало решающим фактором, склонившим чашу весов в пользу войны с Россией. И другой пример: в конце XIX века, во время франко-русского сближения и последовавшего за этим союза, русофобские настроения очень трудно изживались именно из широких слоев, уже мощно обработанных антирусской пропагандой.

— Мы привыкли к тому, что русофобия — это условно западное явление, характерное для недружественных России стран. А существует ли «внутренняя» русофобия, внутри России? Кто за этим стоит?

Да, русофобия — это идеология западного происхождения. Она спекулирует теми же категориями, которые известный исследователь Эдвард Вади Саид использовал применительно к ориентализму: подчеркивание разницы, выделение западного превосходства, использование стереотипов для вынесения суждений, тем более что Запад уже очень давно начал относить Россию именно к Востоку.

Несмотря на то, что русофобия — чисто западное явление, представляется некорректным в исторической ретроспективе распространять его на все западное общество, как и вряд

ли возможно говорить о едином Западе по отношению к России, хотя сейчас мы часто используем термин «коллективный Запад».

Русофобия коренится в северном полушарии, где сильны позиции католицизма и протестантизма, а это важно, поскольку, как уже отмечалось, неприязнь к России корнями уходит в принятие Русью христианства по восточному обряду. Азия, Африка, Аравия, Латинская Америка не страдали русофобией. Япония и Китай имели с Россией территориальные конфликты, отсюда и периодические эмоциональные всплески. А вот для США, никогда с Россией не воевавших, характерна беспрецедентная ненависть на государственном уровне. Современная позиция той же Японии или некоторых государств Латинской Америки — это не проявление русофобии, а следование западной повестке, а в случае с Японией еще и давние территориальные споры.

Что касается внутренней русофобии, то это отдельная и очень серьезная тема. Внутренняя русофобия является не менее опасной, чем внешняя, она питается теми же самыми идеями, что и западная, поскольку русофобия и есть продукт Запада. Доморожденные русофобы транслируют западный образ России, те стереотипы и мифы, которые сформировались на Западе.

Еще великий русский поэт, мыслитель и дипломат Ф.И. Тютчев писал о внутренней русофобии. Кстати, Тютчеву ошибочно приписывают и самый ранний случай употребления термина «руссофобия» (в письме дочери Анне от 20 сентября 1867 года Федор Иванович писал о «руссофобии русских — причем весьма почитаемых...»). Представители российской элиты что в XIX веке,

что в дальнейшем, к сожалению, подчас были заражены этим вирусом, критиковали все русское, ненавидели свое Отечество и превозносили «прелести» западной цивилизации. Этому явлению И.Р. Шафаревич посвятил свою книгу «Руссофобия», впервые опубликованную в 1982 году.

Дело, наверное, не только во внутренней русофобии, но и в спорах о путях развития России: вспомним дискуссии «западников» и «славянофилов» в XIX столетии. Самый наглядный пример — оценка преобразований Петра Великого. Иногда среди людей, считающих себя истинными патриотами России, раздаются упреки в адрес императора Петра I, которого обвиняют в том, что он якобы хотел сделать из России Европу и причинил ей больше вреда, чем пользы, сбив с самобытного пути. Кстати, именно петровские преобразования спровоцировали на Западе рост интереса к нашей стране — а он всегда активизировался в те времена, когда сама Европа находилась в состоянии кризиса: в нас искали либо точку опоры, пример для подражания, либо лепили образ врага. Именно в эпоху Просвещения во Франции формируется, если можно так сказать, научное изучение России и появляются два направления: идеализированное представление о России и ее просвещенных правителях, то, что позднее получит в историографии название «русского миража», у истоков которого стояли Вольтер и Дидро; и «русская угроза», то есть взгляд на Россию как на варварское государство, с рабски покорным населением и деспотичными правителями, всегда стремящимися к мировой гегемонии. У истоков этого подхода стояли Монтескье и Руссо.

Однако, возвращаясь к Петру, следует отметить, что Петр Великий не хотел сделать из России Европу, даже лучшую из Европ. Он стремился, используя передовой европейский опыт, перерабатывая его, создать мощную великую Российскую империю. И он это сделал.

— Можно ли на каких-то конкретных примерах обозначить успешные механизмы и стратегии, как Россия за всю свою тысячелетнюю историю преодолевала русофобию?

Россия всегда была вынуждена бороться с антироссийской пропагандой Запада, а механизмы и принципы этой пропаганды не меняются столетиями, начиная от «летучих листов» Ливонской войны, «памфлетных войн» Северной войны, наполеоновской пропаганды и мифов об «ужасных казаках» и «варварах Севера». Именно Наполеоном Бонапартом была дана путевка в жизнь одной из самых знаменитых фальшивок — подложному «Завещанию Петра Великого» (а автором первого текста «Завещания» стал в конце XVIII века польский генерал Михаил Сокольниковский). Именно этот фальшивый документ, иначе говоря, фейк, вплоть до настоящего времени активно используется на Западе как свидетельство «неизменного российского экспансионизма». В 1843 году, после выхода во Франции книги маркиза Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году», между Россией и Францией развернулись так называемые «журнальные войны», прообраз нынешних информационных войн. Тогда под эгидой Третьего отделения во главе с графом А.Х. Бенкендорфом была организована целая кампания по созданию опровержений на книгу Кюстина, которая сразу стала бестселлером. Публиковались книги, статьи, в том числе в западных газетах, часто под иностранными

именами. В эту борьбу были включены выдающиеся умы эпохи, включая Ф.И. Тютчева, князя П.А. Вяземского, в Париже опровержения писал Я.Н. Толстой, секретный агент Третьего отделения, однако результат этой масштабной кампании был незначительным. Князь П.А. Вяземский, написавший, на мой взгляд, одно из лучших опровержений на книгу Кюстина, и вовсе отказался от публикации своей статьи, отметив, что французы ему все равно не поверят. По его словам, «французы разделяют веру своего прихода и убеждения своей газеты». Этим объясняется и тот факт, что книги, публиковавшиеся на Западе, не имевшие скандально-разоблачительного характера, не создававшие уже столь привычный европейцам образ варварской деспотичной России, не пользовались спросом у европейского читателя. В годы Крымской войны историк-славянофил М.П. Погодин в записках на имя императора Николая I упрекал российские власти в том, что они недостаточно активно отвечали на антироссийскую клевету в европейской прессе. Власти отвечали, и активно, просто эффект был нулевым: Россия нужна была в образе врага, агрессора, тем более что к середине века авторитет нашей страны в Западной Европе был очень силен, и сильная Россия воспринималась уже не как гарант мира, а как угроза ему. И, несмотря на то, что Россия Западу не угрожала, конфликт между Россией и Османской империей был воспринят на Западе как стремление Российской империи к мировому господству через захват Константинополя (а ведь это преподносилось как заветная цель политики всех русских государей начиная с Петра), поэтому Запад позиционировал эту войну как крестовый поход против России, якобы угрожавшей

ценностям западной цивилизации, тем более что поводом к войне стал спор из-за покровительства Святым местам.

— «Идеологов» русофобии очень много, но кого из них можно назвать ключевыми фигурами? Какие тезисы они продвигали?

Действительно, идеологов русофобских идей очень много, но, что важно, их тезисы не меняются из столетия в столетие, а мифологемы русофобского образа постепенно трансформировались в идеологемы. Ведь иностранцы воспринимали нашу страну (как и в целом мы воспринимаем другие страны) через давным-давно сформировавшуюся призму мифов, стереотипов — так проще. Но это не обычные мифы, а политические. Они являются инструментом идеологии, с их помощью создается «нужный» или ожидаемый образ *Другого*.

Политический миф идеологически заряжен, он имеет вполне конкретную цель. И такие политические мифы о России были сформированы еще во времена уже упоминавшегося «открытия» Московской Руси, прежде всего в работе «Записки о Московии» австрийского дипломата Сигизмунда Герберштейна (1486–1566), создававшейся им во время его поездок в Московскую Русь в 1517 и 1526 годах и опубликованной в 1549 году.

Несмотря на то, что о Восточной Европе и Руси в конце XV — первой половине XVI веков было написано большое количество путевых дневников и заметок, что много писали и до Герберштейна, именно его книга заложила традицию восприятия России как азиатского деспотичного государства. Она стала весьма популярной работой и во второй половине

“

Действительно, идеологов русофобских идей очень много, но, что важно, их тезисы не меняются из столетия в столетие, а мифологемы русофобского образа постепенно трансформировались в идеологемы.

”

XVI века публиковалась в среднем раз в два года.

Что важно, «Записки о Московии» Герберштейна стали весьма авторитетным и достоверным источником информации, ведь авторам эпохи Возрождения было свойственно верить. Тем более, что Герберштейн был человеком образованным, до поездки в Россию видел едва ли не всю Европу, был прекрасным знатоком истории, читал на языках славянских народов и говорил по-русски. Однако на страницах своих «Записок о Московии» он создал образ ужасной фантастической страны, вовсе не похожей на Русь реальную. Можно сказать, что именно Сигизмунд Герберштейн сформулировал основные мифологемы русофобского образа, которые остаются неизменными на протяжении столетий. Именно он положил начало расхожему мнению о «русской тирании». Деспотичность власти, бесправие и всеобщее рабство подданных, псевдобожественность власти как апофеоза всеобщей лжи, — таковы характеристики Герберштейна. Под пером Герберштейна вместо «подлинных христианских государей» русские правители предстали перед западным читателем средоточием всех

человеческих пороков, настоящими «антиправителями». Более того, Герберштейн одним из первых оспорил мнение, что «Московия» является частью Европы, и предложил относить ее к Азии. Статус «азиатов» позволил соединить «русскую» и «турецкую» опасности и объединить эти народы в едином образе врага Европы.

Конечно, Герберштейн не все живописал черной краской, но востребованы оказались именно негативные образы России. Его книга оказалась весьма популярной и в последующие столетия, а западные авторы, следуя завету Вольтера о том, что «книги делаются из книг», в своих описаниях буквально переписывали Герберштейна, распространяя его характеристики на Россию XVIII–XIX веков. Поэтому вовсе не случайно, что характеристики Герберштейна перекочевали в книгу маркиза Астольфа де Кюстина, о которой мы уже говорили. И книга Кюстина, написанная в условиях, когда русофобия в Западной Европе была в самом разгаре, стала, как и работа Герберштейна, не просто бестселлером, но своего рода библией русофобов (хотя тут все зависит от оптики восприятия, и для кого-то это сочинение вовсе не имеет русофобской тональности, а Кюстин всего лишь озвучил пусть неприятную, но правду). Если Герберштейн первым попытался вытеснить Россию за пределы Европы, то Кюстин разрушил двойственность восприятия России, созданную просветителями, и буквально демонизировал образ нашей страны. Как и книга Герберштейна, работа Кюстина стала «вечной книгой о вечной России»; не случайно обе эти работы оказались весьма востребованными по окончании Второй мировой войны, когда согласие между союзниками быстро закончилось и началось противостояние в рамках холодной войны.

Вовсе не удивительно, что американские дипломаты воспринимали книгу Кюстина как лучшее пособие по советской России. Так, генерал-лейтенант Уолтер Беделл Смит, посол Соединенных Штатов в Советском Союзе в 1946–1948 годах, глава ЦРУ, в предисловии к американскому изданию книги Кюстина от 1951 года отмечал: «Здесь мы встречаем красочные, драматичные и точные описания России и русских <...> Перед нами политические наблюдения столь пронизательные и вневременные, что книга может быть названа лучшей работой, когда-либо написанной о Советском Союзе».

“

Конечно, Герберштейн не все живописал черной краской, но востребованы оказались именно негативные образы России.

”

Столь же актуальной была эта книга и в разгар перестройки, несмотря на, казалось бы, начавшиеся перемены в нашей стране, очень соответствовавшие интересам Запада. Так, на обложке американского издания книги Кюстина 1987 года были приведены слова известного американского политолога и государственного деятеля, поляка по происхождению Збигнева Бжезинского: «Ни один советолог еще ничего не добавил к прозрениям Кюстина в том, что касается русского характера и византийской природы русской политической системы». Подобных сочинений о нашей стране было написано множество (ради справедливости стоит отметить, что и доброжелательных книг было создано немало, однако

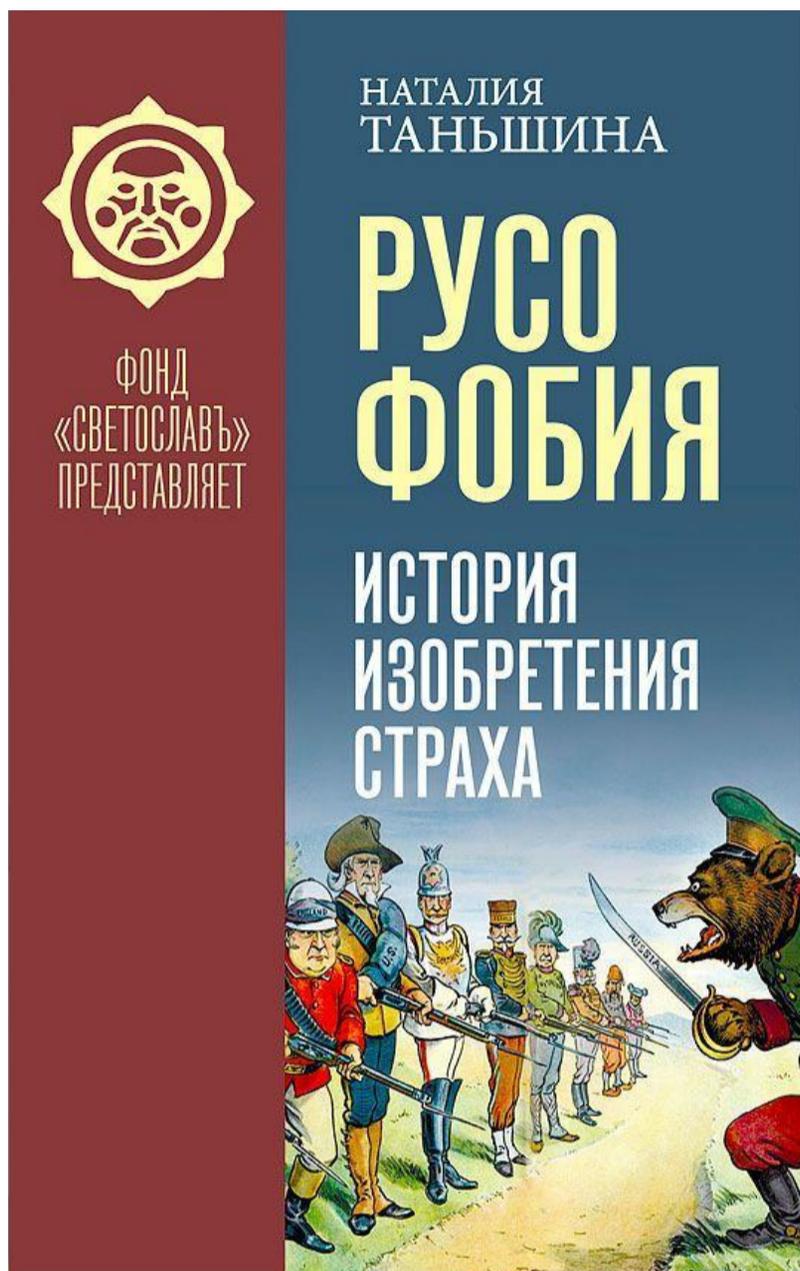

Рис. 1. Обложка книги Таньшиной Н.П. «Русофобия: история изобретения страха».

они не пользовались особой популярностью, если не приходилось на периоды сближений между Россией и Западом), и современные западные (да и отечественные) пропагандисты-руссофобы буквально дословно используют «творческие находки» своих предшественников, штампуя из работы в работу эти клише как заклинания. Запад только и делает, что судит о современной России по Герберштейну, Адаму Олеарию, Кюстину и им подобным. Обо всем этом я подробно пишу в своей книге «Русофобия: история изобретения страха». Мы меняемся, а западные представления о России остаются

неизменными на протяжении столетий, потому что именно такой образ варварской, деспотичной и экспансионистской державы оказывается нужным для целей западной пропаганды (за редкими периодами сближений, обусловленными текущей ситуацией). Но даже союзные отношения не меняли общий взгляд Запада на Россию и стремление нас ослабить, достаточно вспомнить планы западных «союзников» «Щука», «Пинчер», «Немыслимое» времен начала и окончания Второй мировой войны.

— **Как Вы считаете, как можно бороться с русофобией и ксенофобией в целом, в рамках профилактической работы? Какие превентивные меры необходимо предпринимать государственным органам власти и общественным институтам?**

Мы должны понимать, что сильная Россия обречена на русофобию. Если бы мы были слабыми, если бы мы не были конкурентами Западу, то никакой русофобии бы не было. Вспомним период 1990-х: нас просто хотели подчинить и использовать, применяли традиционную западную «колониальную оптику» или оптику «учитель-ученик». Тогда никакой русофобии не было, было лишь желание прибрать к рукам наши богатства и ресурсы с американской улыбкой, жвачкой и словами о дружбе, демократии и мире во всем мире на устах и с похвалой нашим руководителям, сдававшим национальные интересы в пользу Запада.

Чтобы адекватно противодействовать русофобии, ее надо знать. Надо понимать, что такова тысячелетняя стратегия Запада. Необходимо знать западный взгляд на Россию, чтобы выстраивать внешнюю и внутреннюю политику

“

Мы меняемся, а западные представления о России остаются неизменными на протяжении столетий, потому что именно такой образ варварской, деспотичной и экспансионистской державы оказывается нужным для целей западной пропаганды (за редкими периодами сближений, обусловленными текущей ситуацией).

”

государства без всяких обольщений и ожиданий, что Запад когда-нибудь признает свою неправоту и поймет нас.

Тем более, что сейчас речь идет о борьбе Запада за сохранение своих позиций. Запад всегда воспринимал нас как экзистенциальное зло и борьбу с нами представлял как экзистенциальную войну между Добром и Злом, где Запад, соответственно, воплощает Добро, а мы — Зло. Но сейчас происходят реальные геополитические изменения в мире, и на Западе это прекрасно понимают.

Но и мы это должны четко понимать. А понимание позволяет адекватно реагировать на происходящее, смотреть на мир без розовых очков. Во времена франко-русского союза конца XIX века французы ведь тоже клялись, что их любовь к России будет вечной, что они никогда не забудут того, что Россия сделала для Франции. Как и в 1814 году, они утверждали, что не забудут того, что именно благодаря императору Александру I Франция была сохранена как великая держава и получила либеральную конституцию.

И что? И в одном, и в другом случае все добро забыли очень быстро. Как написал в 1840 году граф Карл Васильевич Нессельроде, «нас лучше ненавидеть без причины, чем отплатить нам добром».

— Русофобия как объект изучения сегодня рассматривается, как правило, в разрезе информационных и когнитивных войн. На ваш взгляд, в чем задача академического научного сообщества в изучении данного явления? Насколько важно профессиональным историкам, социологам, философам заниматься фундаментальным изучением данного вопроса?

Информационные, когнитивные, ментальные — как угодно можно называть эту сферу глобального противостояния — это механизм распространения русофобских идей. Битвы сейчас выигрываются и проигрываются не только на полях реальных сражений, но в информационном поле и киберпространстве.

“

Мы должны понимать, что сильная Россия обречена на русофобию. Если бы мы были слабыми, если бы мы не были конкурентами Западу, то никакой русофобии бы не было.

”

Но если западные элиты убеждать бесполезно (они сознательно лицемерят, будучи уверенными в собственной правоте и праве сильного), то на обывателя необходимо воздействовать. В современных реалиях гибридных и информационных войн,

“

В современных реалиях гибридных и информационных войн, в условиях массовой индоктринации молчание равносильно поражению, по крайней мере, так оно может восприниматься.

”

в условиях массовой индоктринации молчание равносильно поражению, по крайней мере, так оно может восприниматься. В том, что касается научного сообщества, то вы ставите очень важный вопрос. Вплоть до недавнего времени считалось, что заниматься русофобией — это несерьезно, это не задача академических исследователей, а удел чуть ли не маргиналов, ведь как можно гуманитариям, историкам и политологам изучать какие-то фобии? Но, во-первых, термин русофобия и был введен в оборот не учеными, а журналистами, которые высмеивали существовавшие в обществе придуманные страхи. А, во-вторых, страх — это сильнейшая эмоция, и сейчас мы видим, как, используя современные средства информации, можно легко внушить обывателю все что угодно, пугая его столь привычной и отработанной веками «русской угрозой».

Ведь количество знаний о России никак не влияет на тот стереотипный образ, который был создан столетия назад. Да, он может быть разным, добрым и злым, но второй образ востребован гораздо чаще, и сейчас мы переживаем именно этот период.

Русофобия — это комплекс Запада, даже его болезнь. Русофобия действует как вредоносный общественный вирус, да и распространяется со скоростью вируса. Поэтому изучать ее — значит

найти противоядие, лекарство от этой болезни. По крайней мере, понимать, как ее купировать, как выработать иммунитет, если нельзя убрать источник «заразы». При этом русофобию нужно изучать не просто как фобию, абстрактный страх, а как целостную западную идеологию, разновидность расизма, как технологию информационной конкурентной борьбы Запада против России. Ведь предупрежден — значит вооружен.

Что касается лично моего опыта методов противодействия этой угрозе, то он прост. Работа над книгой об истории западной русофобии в эмоциональном плане далась мне очень нелегко. Но я признательна всем авторам, писавшим о нашей стране, даже писавшим очень плохо, порой ужасно и отвратительно.

Потому что чем больше я изучала сочинения иностранцев о нашей стране, тем больше гордилась своей Родиной, гордилась тем, что я русская.